

ПО СРАВНЕНИЮ С ГОРОДСКИМ ОСОБНЯКОМ УАЙ-

тингов дом, выстроенный Чарлзом Бьюмонтом Уайтингом спустя десять лет после возвращения в Мэн, выглядел скромно. Но по любым меркам Эмпайр Фоллз, где жилье на одну семью стоило много меньше семидесяти пяти тысяч долларов, этот дом с пятью спальнями, пятью полностью оборудованными санузлами и отдельной студией для творчества смахивал на дворец. Ч. Б. Уайтинг провел несколько очень важных для него лет в старой части Мексики, и дом, что он возвел, наплевав на условности, был асьендой в суровом миссионерском стиле. Он даже раздобыл кирпичи с особой текстурой и выкрасил их в мутно-желтый цвет, чтобы они походили на саман. Дурацкий дом, говорили люди, надо же было отгрохать такое — и где, в глубинке штата Мэн, но лично Ч. Б. Уайтину они этого не говорили.

Как и все Уайтинги мужского пола, Ч. Б. был коротышкой и не любил привлекать внимание к данному обстоятельству, поэтому приземистая испанская архитектура устраивала его как никакая другая. Мебель он выбрал ту, которой начиняют выставочные образцы домов и трейлеров с целью создать впечатление простора, и эта оптическая иллюзия держалась стойко, пока к Ч. Б. не являлись рослые визитеры, и тогда его хоромы обретали вид дорожущего кукольного домика.

Асьенда — иначе свой дом Ч. Б. Уайтинг не называл — стояла на участке земли, числившемся в семейной собственности уже

несколько поколений. Первые Уайтинги из графства Декстер валили и сплавляли лес, скупая потихоньку землю по обоим берегам реки Нокс, чтобы приглядывать за своим добром, дрейфовавшим на юго-восток страны, к океану, одолевая путь длиной миль в пятьдесят. К появлению на свет Ч. Б. Уайтинга штат Мэн опутали электропроводами, и река, перекрытая дамбой ниже Эмпайр Фолз, рядом с Фэрхейвенном, во многом утратила свою первостепенную важность. Лесозаготовки передвинулись к северу и западу, а семья Уайтинг переключилась на ткацкое, бумажное и швейное производство.

Хотя атрибутом могущества река более не являлась, Ч. Б. вместе с прочими правами и обязанностями, данными ему от рождения, унаследовал и рудиментарную потребность держать Нокс в поле зрения, и когда пришло время строить свой собственный дом, он выбрал площадку прямо над водопадом у Железного моста, по другую сторону от Эмпайр Фолз, в ту пору процветающего городка, где мужчины и женщины дружно трудились на заводах и фабриках предпринимательской империи Уайтингов. Когда участок расчислили, а дом возвели, зимой, длящейся в сердцевине штата Мэн большую часть года, Ч. Б. мог видеть за голыми деревьями свои мастерские по пошиву рубашек и ткацкую фабрику. Его бумажный комбинат находился в нескольких милях выше по течению, но клубы дыма, когда белые, когда черные, изрыгаемые мощной трубой, можно было наблюдать из патио на задах особняка.

Переселившись на другой берег реки, Ч. Б. Уайтинг первым в своем клане признал за благо отдалиться на приличествующую дистанцию от тех, кто обеспечивал семейную прибыль. В особняке Уайтингов в Эмпайр Фолз, георгианской громадине, построенной в начале прошлого века, в каждой спальне имелся камин из плитняка, в чинной обеденной зале под сверкающими люстрами, доставленными на поезде из Бостона, за дубовым столом помещалось до тридцати человек гостей. Дом проектировали с расчетом возбудить восторг и трепетную почтительность в сердцах ирландских, польских и итальянских иммигрантов, прибывавших с юга из Бостона, и французских канадцев, прибывавших с севера, — в поисках работы, разумеется. Семейный особняк располагался прямо

в центре города, в одном квартале от рубашечной фабрики и в двух — от ткацкой; место для фабрик мужчины из клана Уайтингов выбирали с умом, ибо, вы не поверите, эти мужчины работали по четырнадцать часов в день, в обеденный перерыв забежали домой перекусить и опять возвращались на производство, где нередко задерживались до глубокой ночи.

В детстве Ч. Б. нравилось жить в городской усадьбе Уайтингов. Его мать постоянно жаловалась: дом старый, по нему гуляют сквозняки и от него неудобно добираться до загородного клуба, летнего дома на озере и, главное, до шоссе, что ведет на юг, к Бостону, где мать предпочитала делать покупки. Но на просторных тенистых угодьях, окружавших особняк, и в многочисленных комнатах причудливой конфигурации ребенок чувствовал себя прекрасно. Его отец, Хонас Уайтинг, тоже любил свою усадьбу — в частности, за то, что это было родовое поместье, никогда не принадлежавшее людям с иной фамилией. Отец Хонаса, Илайя Уайтинг, в ту пору старик под девяносто, жил там же, в поместье, в бывшем каретном сарае, вместе со своей вздорной супругой. Мужчины Уайтинги были во многом похожи, включая и то, что все они вступали в брак с женщинами, превращавшими их жизнь в нескончаемую муку. Отец Ч. Б. справлялся с ситуацией лучше, чем большинство его прародителей, но и в нем тлела обида на жену за плохое отношение к супругу, его особняку, городку Эмпайр Фоллз и глубинке штата Мэн в целом, куда ее, выросшую в Бостоне, забросила, как она утверждала, жестокая судьба. Изящные кованые ворота и ограда по всему периметру усадьбы, привезенные аж из самого Нью-Йорка, были для нее тюремным застенком, и всякий раз, когда она произносила эту фразу, Хонас напоминал: ключ от ворот у него в кармане и он в любой момент распахнет их для нее. Если ей так чертовски хочется обратно в Бостон, значит, туда ей и дорога. Он говорил это, ничуть не сомневаясь, что никуда она не уедет, ибо на Уайтингах мужского пола лежало специфическое родовое проклятье: жены назло им оставались с ними навсегда.

Однако к тому времени, когда у них родился сын, Хонас Уайтинг начал понимать и втайне разделять умонастроения своей жены — по крайней мере, в том, что касалось Эмпайр Фоллз. Во второй

половине девятнадцатого века городок рос как на дрожжах, судьбу Уайтингов постепенно окружили дома заводских рабочих, и со временем в повадках этих новых соседей все отчетливее проступала неприязнь. По давно установившейся традиции Уайтинги старались умастить своих работников, закатывая каждое лето шумные празднества на усадебной лужайке, но Хонасу Уайтингу казалось, что многие из тех, кто исправно являлся на эти сборища, странным образом не выглядят благодарными за обильное дармовое угощение, выпивку и музыку, а некоторые взирали на семейный особняк с плохо скрываемым раздражением — они явно не расстроились бы, сгори дом дотла.

Вероятно, из-за этой молчаливой, но нарастающей враждебности Ч. Б. Уайтинга отослали из дома сначала в частную школу, потом в колледж. Далее он провел лет десять в путешествиях, сперва с матерью по Европе (которая пришлось этой доброй женщине куда более по вкусу, чем штат Мэн) и позднее самостоятельно по Мексике (которая пришлось ему куда более по вкусу, чем Европа, где нужно было на каждом шагу лезть в справочники, чтобы понять, чем же ты, собственно, восхищаешься). Если европейские мужчины по большей части нависали над ним, то мексиканцы ростом были даже пониже, и Ч. Б. Уайтинга особенно радовала их мечтательность, очищенная от настоящей потребности претворять мечты в жизнь. Но его отец, за чей счет Ч. Б. болтался по свету, решил наконец, что наследнику пора возвращаться домой и приниматься за упрочение семейного благосостояния, а не проматывать по другую сторону южной границы все, что ему присылали. Чарлзу Бьюмонту Уайтингу в ту пору было под тридцать, и его отец нехотя осознал, что единственное, в чем его сын по-настоящему талантлив, так это в умении тратить деньги, хотя молодой человек уверял, что в живописи и поэзии он не менее силен. Настал момент покончить и с мотовством, и с искусством — таков был вердикт главы семьи. Хонас Уайтинг стремительно приближался к шестидесятилетию, и, хотя ему доставляло удовольствие баловать сына, теперь он понимал, что чересчур увлекся, потакая Ч. Б., и к введению наследника в тонкости семейного бизнеса следовало приступить много раньше. Сам Хонас начинал на рубашечной фабрике, затем пере-

брался на ткацкое производство и под конец, когда старый Илайя в припадке сумасшествия попытался убить жену лопатой, занял директорский пост на бумажной фабрике, стоявшей выше по реке. Хонас хотел подготовить сына к тому, что неизбежно должно произойти: его отец тоже сорвется с катушек и набросится на супругу с тем, что попадет под руку. Европа не улучшила ее мнения о муже, Эмпайр Фолз или штате Мэн, на что Хонас в душе надеялся. На собственном опыте он убедился: люди редко становятся счастливее, увидев воочию, чего они лишены, и Европа только укрепила естественную склонность благоверной к презрительным и ядовитым сравнениям.

Что касается Чарлза Бьюмонта Уайтинга, в детстве, когда его отправляли в иногороднюю школу, он предпочел бы остаться дома, теперь же возвращаться из Мексики ему хотелось не больше, чем его матери — из Европы, но, повздыхав, он сделал то, что ему велели; он почти всегда так делал. Не то чтобы он не понимал: молодости неминуемо придет конец, а с ней и путешествиям, живописи и поэзии. Рано или поздно он возглавит “Предприятия Уайтинга и сыновей”, это само собой разумелось, и хотя у него мелькала мысль, что возвращение в Эмпайр Фолз к работе в семейном бизнесе будет равносильно отказу от его истинного призвания — творчества, деваться было некуда. Однажды, чувствуя, что очень скоро его призвут домой, он попытался выразить словами то, что, по его мнению, было лучшим в его человеческой природе, и сколь ужасной ошибкой было бы закопать в землю его таланты. Этими размышлениями он намеревался поделиться с отцом, но то, что он написал, походило на его стихи, туманные и неубедительные, даже на его собственный взгляд, и в итоге он выбросил письмо в мусор. К тому же он не был уверен, что отец, практик до мозга костей, поверит, что у человека может быть природа, а если таковая все же завелась, то ее обладатель обязан не поддаваться, но не мытьем, так катаньем придать этой “природе” подобающий вид, показав, кто в доме хозяин. В последние месяцы свободы Ч. Б. валялся на мексиканском пляже и мысленно спорил с отцом, выдвигая все новые и новые аргументы и каждый раз проигрывая спор, и когда его вызвали домой, у него уже не было сил сопротивляться. Он вернулся, чтобы исполнить свой

долг, но опасаясь, что его подлинное “я” и все, для чего он был создан, осталось в Мексике.

Выяснилось, однако, что поступать вопреки своему “я” не настолько неприятно или трудно, как он представлял. На самом деле, когда он немного освоился в Эмпайр Фоллз, у него возникло стойкое впечатление, что люди здесь поступают так каждый день. А если ты — мужчина с фамилией Уайтинг, вынужденный отказ от своего призвания выглядит не так уж страшно. К своему удивлению, он также обнаружил, что можно преуспеть в том, что тебя крайне мало интересует, как и потерпеть неудачу в том, к чему тебя искренне влечет, — в живописи или поэзии, например. Рубашечная фабрика не потрясла его воображения, но управлял он ею очень даже недурно, угадывая скрытые причины сбоев и понимая инстинктивно, как устранить проблему. Кроме того, он любил своего отца и восхищался энергией этого коротышки, его напористостью, неуступчивостью, неколебимой убежденностью в своей правоте и умением железно обосновать любой свой шаг. Хонас либо пребывал в полной гармонии со своей природой, либо кулаками усмирил ее до совершенной покорности. Чарлз Бьюмонт Уайтинг так и не разобрался, как именно его отец поладил со своей природой, да это было и неважно; в любом случае старик являл достойный пример для подражания.

Тем не менее Ч. Б. Уайтнгу было ясно, что буйный рост, пережитый “Предприятиями Уайтинга и сыновей” в годы правления его отца и деда, завершился. Времена менялись, и уже ни рубашечное, ни текстильное, ни бумажное производство не приносило таких же дивидендов, как раньше. В предыдущие два десятилетия в графстве Декстер на заводах и фабриках предпринимались попытки организовать профсоюзы, и хотя эти начинания провалились — это вам не Массачусетс, но штат Мэн, — даже Хонас Уайтинг не отрицал: что разрешать профсоюзы, что ставить им заслон обходится одинаково дорого. Угрюмые рабочие, вернувшись к станкам, не торопились признать поражение и на работе более не выкладывались.

Хонас Уайтинг предполагал, естественно, что его сын поселится в семейном особняке, как только обзаведется женой, а старик

Илай из чувства приличия покинет эту грешную землю, но спустя десять лет по возвращении Ч. Б. из Мексики ни того ни другого не произошло. В молодые годы, жаркие и солнечные, Ч. Б. Уайтинг был отъявленным женолюбом, но в морозном Мэне он словно утратил сексуальный пыл и погрузился в непреднамеренный целибат, хотя и воображал иногда, как лучшая часть его “я” беззаботно предается плотским радостям в Юкатане.

Возможно, его страшила наследственная матримониальная перспектива — жениться на девушке, которую однажды ему захочется убить.

Илайе Уайтингу, которому было уже под сто, не удалось убить жену лопатой, и от огорчения и досады он так и не оправился. Он по-прежнему жил с супругой в бывшем экипажном сарае, цепляясь за свое горе, а сварливая жена цеплялась к нему. Его лечащий врач говорил, что старый Илайя умирает изнутри, вернейшим доказательством чего служил его прямо-таки эпический метеоризм. В экипажном сарае уже много лет было не продохнуть, но все обследования показывали: сердце реликтового старика бьется ровно, и Хонас осознал, что сам он еще не скоро переедет в каретный сарай, освободив фамильный особняк для сына. И даже если старик умрет завтра, понадобится не меньше года, чтобы проветрить после него помещение. А кроме того, собственная жена Хонаса дала ясно понять: в сарай она не переедет ни в коем случае, и мысль о том, что она умрет в штате Мэн, настолько ее угнетала, что Хонас, скрипя зубами, купил ей небольшой дом из тех, что стоят впритык друг к другу в зажиточном бостонском Бэк-Бэе, где, по ее уверениям, она провела детство, что, конечно, было враньем. Хонас повстречался с ней в Южном Бостоне и, будь у него голова на плечах, там бы с ней и расстался. Тем не менее, когда Чарлз явился к отцу и объявил о своем намерении построить себе дом, отгородившись рекой от Эмпайр Фоллз, Хонас не возразил и даже одобрил эту затею. Позднее, однако, когда из дома получилась асьенда, Хонас не на шутку испугался: уж не принялся ли его мальчик снова кропать стишки.

Зря он тревожился. Ранее в том же году Ч. Б. Уайтинга на улице приняли за его родителя, и вечером, глядя в зеркало, он понял

почему. Волосы у него уже серебрились, а в глазах появилась некоторая лютость — как у терьера, чего он прежде не замечал. От молодого человека, жаждавшего жить и умереть в Мексике, мечтать, рисовать и сочинять стихи, мало что осталось. И когда прошлой весной отец предложил ему возглавить не только рубашечную, но и ткацкую фабрику, он не почувствовал, что его навеки загоняют в капкан ответственности, напротив, скорее обрадовался этому следующему шагу к реальному обладанию тем, что причиталось ему по праву рождения. В мужской компании его начали называть Ч. Б. вместо Чарлз, и ему это нравилось.

Когда бульдозерами взялись расчищать площадку для дома, обнаружилось нечто неприятное. Несметное количество мусора — кучи и кучи — вдоль реки; мусор торчал меж корней деревьев и свисал с ветвей, холмистый берег был усеян им до самого верха. Такое скопление отходов ошеломляло, и сперва Ч. Б. Уайтинг решил, что кто-то, и вовсе не один человек, а многие имели наглость устроить на частной собственности незаконную свалку. Сколько же лет длилось это безобразие? У расสวิрепевшего Ч. Б. руки чесались пристрелить мерзавцев, пока один из работников, которых он нанял убирать мусор, не вразумил его: для того чтобы превратить землю Уайтингов в помойку, кому-то одному или многим людям сразу понадобилась бы подъездная дорога, каковой не существовало, — точнее, не существовало, пока сам Ч. Б. Уайтинг не проложил дорогу месяцем ранее. И хотя казалось невероятным, что такую тьму отбросов — автомобильные камеры и колпаки, коробки из-под молока, ржавые банки, переломанную мебель и прочее в том же роде — могло прибить к берегу естественным путем, течениями и водоворотами, однако вот она, свалка, а значит, так оно и произошло. Иного выхода, кроме как вывозить мусор, не просматривалось, что и было сделано в мае одновременно с заливкой фундамента нового дома.

Весенние дожди, половодье и рекордный выводок мошкары замедляли строительство, но к концу июня нижний ярус обширной